

12 МАЯ 1972

Смотр творческой молодежи в Каменск-Уральском драматическом театре

«СИННИЕ ДОЖДИ» И «ГОЛУБЫЕ» ГЕРОИ

Хочется говорить доброжелательно и беспристрастно. Мы обещаем до конца следовать этим требованиям. Хочется вести разговор строго и объективно. Мы сохраняем за собой это право. Хочется осмыслить удачу, разобраться в просчетах (а их, к сожалению, немало), что-то пожелать на будущее. Пусть этот разговор будет не во всем приятным, но, нам кажется, он необходим. Он необходим тем более, что речь идет о завтрашнем дне театра — о молодых актерах.

В смотровой афише Каменск-Уральского драматического театра пьеса В. Ежова «Соловьиная ночь». Пьеса, с успехом обошедшая сцены многих театров страны, пьеса, сильная своим гуманистическим началом, глубокой человечностью. В спектакле, поставленном главным режиссером театра В. Петровым, показывали свои работы молодые актеры Лилия Одарченко и Николай Чemezov.

...Весна сорок пятого. В маленьком полуразрушенном немецком городке расположилась советская воинская часть. Первые дни мира. Последние дни перед демобилизацией и отъездом на Родину. И... любовь, вспыхнувшая так внезапно и так некстати. Любовь, которая сродни цветку, чудом пробившемуся к солнцу сквозь пыль и груды развалин. Любовь — когда сердца людей еще не остыли от ненависти. Более того — любовь двух людей, которым суровая логика войны диктует, казалось бы, совсем другие чувства. Любовь советского сержанта к немецкой девушке.

Сержанта Петра Бородина играет Николай Чemezov. Актер акцентирует душевную чистоту и честность своего героя. Но нам важно еще и другое — какой ценой далась эта чистота, как удалось человеку пронести сквозь войну лучшие чувства, сохранить, не растерять их среди жестокости, горя и ненависти. Вот почему Чemezov играет не просто влюбленного юношу, чистого, искреннего, непосредственного, а зрелого, взрослого человека, познавшего цену жизни и всего прекрасного, что есть в ней. И этот второй план роли явственно ощущим от первой до последней сцены.

Лилия Одарченко — в роли немецкой девушки Инги. Актриса убедительно показывает, как постепенно, не сразу оттаивает душа молодой, почти юной немки. Война ожесточила ее. И любовь к Петру Бородину — это возвращение к жизни и обретенные веры, а главное — постижение высокого смысла человеческого братства.

Одарченко заразительна, эмоциональна в этой роли. Актриса хорошо чувствует партнера, играет с пониманием жанра спектакля — лирической драмы. Одним словом, в «Соловьиной ночи» мы увидели две бесспорные актерские удачи. Увы, ими, пожалуй, и исчерпывается список творческих побед молодых актеров Каменск-Уральского театра (разумеется, если судить только по трем смотровым спектаклям).

«Синние дожди» Ю. Петухова. Пьеса, что называется, «деревенская» в чистом виде — из тех, что в последние годы все активнее входят в репертуар многих театров. В ней есть и проблемы духовной жизни деревни, и размышления о месте интеллигенции на селе, и острое-современные конфликты. В пьесе — есть, а в спектакле, к сожалению, нет.

...Приезжает из столицы на работу в село молодая учительница Алла Орешко (ее играет Л. Михайлова). Как и следовало ожидать — красивая, модная, экстравагантная, ироничная. Этакая «столичная штучка». Отношение к ней сразу, сами понимаете, отрицательное: и волосы у нее крашенные, и на работу ходит в брюках (это в школу-то!), и ведет себя вызывающе. Вот завуч, Серафима Ивановна, — другое дело, любо-дорого посмотреть: телогрейка замасленная, штапельный платок вокруг головы, кирзовые сапоги не первой новизны. Сама скромность!

Слишком утрировано? Пожалуй. А иначе не скажешь. Именно так выглядит один из основных конфликтов в спектакле. Только пьеса-то не об этом. И Алла Орешко вовсе не «стрекоза», не «фитилька». Что с того, что она красиво, по моде одевается, любит острое словцо? Главное — она пришла делать большое и нужное дело, прекрасно сознает это и готова отдать все силы, только бы от ее работы польза была. Вот этот второй план роли так и остается нераскрытым.

Внутренне актриса остается на уровне костюма и прически Аллы. А ведь не исключено, что яркая модная куртка, брюки и т. д. — лишь «защитный комплект», за которым прячется пока и профессиональная неопытность, и незнание деревни, и

просто растерянность перед новой, доселе незнакомой жизнью.

В итоге — глубокий внутренний конфликт подменяется внешним, поверхностным столкновением. Образно говоря, конфликтуют телогрейка с брюками из эластика, а борьба новых, современных представлений со старыми, отжившими — остается вне спектакля.

Таков результат. А причины, нам кажется, надо искать прежде всего в режиссуре. Режиссер спектакля Е. Вялков не определил точно жанр спектакля (судя по пьесе, это могла бы быть «романтическая драма»). «Синние дожди» наводнили сцену «голубыми» героями — вне времени, вне характеров, вне конфликтов. Они все, в общем-то, хорошие люди, но очень аморфны, неконкретны, а потому — неинтересны.

Стилевое единство постановки не состоялось. Актеры играют как будто не один, а несколько разножанровых спектаклей.

Может, и не следовало бы так подробно разбирать все недостатки, если бы в спектакле не было занято столько молодежи. Для четвертых это были смотровые работы. Будем объективны: интересные творческие заявки все-таки есть, но они не реализовались, растворились в общей неопределенности постановки.

Третьим спектаклем, представленным на смотр, была инсценировка романа И. Гончарова «Обрыв» (режиссер В. Петров).

Классика — чувствительнейший индикатор в искусстве. Она воздает сторицей за умелое, бережное обращение с нею и жестоко мстит за любые попытки подменить подлинные характеры — фотографией, подлинное действие — иллюстрацией.

«Обрыв» стал спектаклем, в котором наиболее отчетливо обозначились слабости режиссуры. Главная мысль, герои с их думами и сомнениями остались там, на страницах романа, а перед зрителем предстали лишь нечеткие копии. Потеряна не только главная мысль. Даже в деталях, мелочах (хотя разве это мелочи?) театр неточен. И, право, как-то неудобо даже напоминать актеру и режиссеру, что не пристало Райскому, утонченному, воспитанному интеллигенту второй половины XIX века, держать руки в карманах, курить в присутствии дамы, пуская ей дым в лицо, и уж совсем не надо бы лежать с ногами на кушетке, как говорится, «при полном параде», в манишке и сюртуке...

И становится грустно, досадно за молодых актеров. В театре есть — вне всяких сомнений! — мыслящая, способная, творчески интересная молодежь. Посмотрите «Соловьиная ночь» — и вы убедитесь в этом. Та же Людмила Соронкина, так и не нашедшая себя в «Синних дождях», обаятельна и органична в роли переводчицы Ниночки. Или Светлана Лаптева, раскрывшаяся неожиданно в роли Зизи.

Молодым актерам из Каменск-Уральского необходим режиссер, педагог, который создал бы цельный коллектив единомышленников, направил его усилия в нужное русло, помог раскрыться актерским индивидуальностям. Молодежи не хватает студийной атмосферы, так необходимой в пору профессионального и гражданского становления артиста.

Это проблемы давно наболелишие. Они не новы для провинциального театра, как не новы и для молодых каменскуральцев. Но есть проблемы отнюдь не творческого порядка. Стыдно признаться, но театр не имеет своего здания. Репетиции идут сегодня в одном Дворце культуры, завтра — в другом, а спектакль играется в третьем. Трудно сказать сейчас, удастся ли театру сохранить в дальнейшем основное ядро труппы — слишком далеки от творческих условия, в которых приходится работать коллективу.

А зрителю нужен театр. И ему неважно, где репетируют актеры, в каких условиях творят, какие внутренние проблемы решают. Зрителю нужен театр, нужны спектакли умные, полноценные, настоящие. Зритель ждет — и это его право — только таких спектаклей. И он судит высокой мерой, строго, объективно, взыскательно. Без скидок на «провинциальность».

В. ВЫЖУТОВИЧ.